

АЛЕКСАНДР ПЕНЗЕНСКИЙ

*По
высочайшему*
ВЕЛЕНИЮ

Финалист конкурсов
«Русский детектив» и «Экранизация»

Мастера сыска

Александр Пензенский
По высочайшему велению

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Пензенский А. М.

По высочайшему велению / А. М. Пензенский — «Издательство АСТ», 2021 — (Мастера сыска)

ISBN 978-5-17-138907-9

1911 год, конец жаркого лета, Санкт-Петербург. Глава столичной уголовной полиции Владимир Гаврилович Филиппов вместе с помощником Александром Павловичем Свиридовым расследует странное самоубийство преподавателя юридического факультета Университета Сергея Зимина. В ход расследования вплетается череда убийств людей, связанных с Зиминным, и всплывают политические взгляды как самого Зимина, так и его убитых знакомых. Взгляды эти совсем не благонадежны. Но один из свидетелей характеризует Зимина с другой стороны. По его словам, Зимин – провокатор и агент охраны, подбивавший свою возлюбленную и ее брата на убийство ни много ни мало, а самого Петра Столыпина! Сыщики берутся за дело, но чем дальше, тем запутаннее оно становится, ведь в игру вмешиваются интересы весьма высокопоставленных лиц. Роман основан на реальных событиях.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-138907-9

© Пензенский А. М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Предисловие	6
Интро	7
Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	28
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Александр Пензенский

По высочайшему велению

Иллюстрация на форзаце и задней стороне обложки – *Александр Пензенский*

© Пензенский А., 2021

©ООО «Издательство АСТ», 2021

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

* * *

«Александр Пензенский глубоко владеет фактологическим материалом, художественный вымысел в его романах опирается на прочный исторический базис. Следует отметить умело выстроенный сюжет, умение автора заинтриговать читателя, живой язык, соответствующий реалиям описываемой эпохи».

Игорь Безбородов, главный редактор журнала «Петровский мост»

Предисловие

Данное художественное произведение – позвольте мне так самонадеянно его называть – является плодом фантазии автора, вплетенным в реальную историческую канву, этакой импровизацией на заданную тему. Окончательной и единой версии описанных событий не существует, история эта темная и полная всяких подозрительных совпадений и не очень убедительных объяснений, что и дает возможность высказывать любые мысли и изобретать сюжеты, хотя бы и самые невероятные. Пусть читатель отнесется к этому роману как к легкой прогулке по тропинкам реальной истории. Тем более что персонажи сего повествования вымышлены лишь отчасти и реально существовавшие некогда Владимир Гаврилович Филиппов или Дмитрий Григорьевич Богров вступают в отношения с Александром Павловичем Свиридовым или Евгением Никитичем Померанцевым, кои являются совершенной выдумкой автора (но, несомненно, могли и жить на самом деле). Да и кто готов с полной уверенностью ныне утверждать, какими они были в действительности, все эти спиридовичи, кулябки и прочие фон коттены?

Так что не судите уж слишком пристрастно, не ищите отгадок и откровений, простите за вольности в обращении с фактами и примите описанное и вымышленное как то, что могло быть. А может, так оно все и было?

Интро

ВЕНА. Отмечается целый ряд признаков перемены погоды, в том числе некоторое, хотя и незначительное, понижение температуры, понижение барометрического давления и др. Но ввиду сильных воздушных течений с Азорских островов нельзя рассчитывать все-таки на сильное уменьшение жары.

По всей Европе установилась жаркая погода, за исключением Норвегии, где, как сообщают, идут дожди.

Из Парижа сообщают, что за последние 154 года ни разу не было такой жары в середине августа, как теперь, – 37,07 в тени; такая температура является как бы рекордом жары за полтора столетия. Центральное метеорологическое бюро сообщает о понижении барометрического давления, и можно ожидать бурю с дождем.

Газета «Московская жизнь», август 1911 года

* * *

Жара в августе стояла просто невыносимая, невероятно дикая для Петербурга. Казалось, что даже воздух стал каким-то вязким, липким и тягучим. В нем застревают редкие прохожие, жавшиеся к домам в поисках тени, и даже полуденный выстрел крепостной пушки с трудом перелетал Неву. Прошедший ночью сильный ливень не остудил раскаленную столицу, а лишь превратил канавы и ямы в маслянистые лужи.

Улицы были почти пусты, и тем большее удивление вызывал одинокий молодой человек, бредущий по солнечной стороне Невского в сторону Екатерининского сада. Во-первых, странной выглядела торопливость и даже какая-то взвинченность, выделявшая его среди немногочисленных вялых послеобеденных прогуливающих. Во-вторых, явно бросался в лицо беспорядок в одежде и отсутствие какого бы то ни было головного убора, необходимого если уж не из соображений приличий, то хотя бы из-за сошедшего с ума солнца.

Необычный прохожий поравнялся с воротами сквера, невидящим взглядом уставился на памятник великой императрице и, будто пробудившись, почти бегом кинулся в сторону Аничкова моста. А дальше случилась уж вовсе дичайшая история: поравнявшись с ползущим вверх по Невскому трамваем, молодой человек в совершенном молчании (что только усиливало ощущение жуткости и нереальности происходящего) бросился на рельсы, прямо под колеса вагона с ошеломленными пассажирами.

Глава 1

Кр. П. П. Евдокимову показалось, что его жена кокетничала в гостях с мужчинами. Возвращаясь домой, Евдокимов на Шлюзовой набережной вспомнил об этом и стал упрекать жену. Та стала плакать и отрицать. Евдокимов не поверил и в порыве ревности нанес ей несколько ран ножом. Собравшимся на крик он сказал: «Вяжите меня. Хотел убить жену потому, что очень ее люблю и не могу допустить, чтобы она смеялась с другими». Евдокимову со слабыми признаками жизни отправили в больницу. Газета «Копейка», август 1911 года

* * *

– Александр Павлович, голубчик, давайте уж пешком прогуляемся перед обедом. Хоть и жарит как в адовом котле, но какое-никакое разнообразие. Заодно и в «Астории» посвободнее будет. – Начальник сыскной полиции Петербурга Владимир Гаврилович Филиппов умоляюще посмотрел на своего помощника.

Тот молча кивнул, и они не спеша двинулись в сторону собора, стараясь держаться в тени зданий.

А день у Владимира Гавриловича не заладился с самого утра. Сначала супруга его, Вера Константиновна, женщина весьма воспитанная и нрава довольно кроткого, обругала прислугу за остывший кофе. Само по себе это было происшествие незаурядное, а уж то, что она и наедине от объяснений отказалась, вовсе выглядело чем-то невообразимым. В состоянии довольно сильного раздражения Владимир Гаврилович забыл о яме перед крыльцом и уверенно плюхнул в нее правой ногой, угодив прямоком в набравшуюся после ночного дождя лужу. В результате в ботинке противно хлюпало, но возвращаться домой, дабы переобуться, рискуя столкнуться с супругой, решительно не хотелось. Поэтому, проведя в дискомфорте всю дорогу от дома до Екатерининского канала¹, в здание Казанской части Филиппов прибыл в мрачном расположении духа, не ожидая от предстоящего дня ничего хорошего.

Выслушав доклад дежурного (за ночь три грабежа и одно убийство не опознанной пока девицы, убийца задержан тут же, так как спал пьяным на месте преступления), Владимир Гаврилович загрустил еще больше. Вроде бы и повода не было: в городе все благополучно, есть чем гордиться, но очень уж скучала беспокойная деятельная натура полицейского начальника. После ареста полоумного Радкевича² никаких интересных уголовных событий в столице не приключалось, сплошь пьяные мастеровые да студенты-нигилисты хулиганили, а с той поры ведь уже почти два года минуло. Имелось, конечно, дело о возможном казнокрадстве генерал-майора Ухач-Огоровича³, громкое, но скучное. Все было ясно почти с самого начала, а то, что двигалось оно медленно, так тому не способствовали ни давность событий, ни удаленность места преступления, ни, мягко говоря, противодействие неких особ. Так что хандрил Владимир Гаврилович отчаянно.

¹ Ныне канал Грибоедова.

² Николай Радкевич, он же «Вадим Кровяник», – один из первых зарегистрированных в России серийных убийц. Следствием руководил лично В. Г. Филиппов.

³ Николай Александрович Ухач-Огорович, генерал-майор Российской армии, осужден в 1912 году за многочисленные хищения во время Русско-японской войны.

Вот и сейчас, ведя вежливую застольную беседу с помощником, он время от времени обращался к мыслям, с разговором совсем не связанным.

А разговор меж тем велся весьма интересный, ибо речь в нем шла, ни много ни мало, о судьбе и самом существовании империи.

– Ведь согласитесь, Владимир Гаврилович, тонет Россия. Пробили ей борт ниже ватерлинии в девятьсот пятом, и латаем мы пробойну сеном с навозом, простите за грубость.

Отец Александра Павловича Свиридова, помощника начальника столичного сыска, служил по морскому ведомству, и, хоть сын и выбрал иную стезю, нет-нет да проскальзывали в его речи флотские термины.

– Вот что мы сейчас делаем? Людей думающих, болеющих душой за Россию преследуем, а темное крестьянство насильно пытаемся осчастливить. Ведь надобно-то их сначала к свету вывести, а уж после... А мы на сохе в двадцатый век въехать хотим.

– Голубчик мой, вот что я вам скажу. Вы перво-наперво пообещайте мне ни с кем другим подобных разговоров даже не заводить, люди сейчас – сами знаете. А во-вторых, позвольте с вами не согласиться. У нас девять десятых населения – те самые темные крестьяне, так с кого же начинать, как не с них? И их для начала накормить следует, а уж потом образовывать. А вы, вашими же словами изъясняясь, соху впереди кобылы запрягаете. Ведь ежели вы сейчас этого бородача пострижете-побреете, в платье городское обрядите да наукам и этикету обучите, он же к сохе-то не вернется. Он заявится к вам в вашу прекрасную квартиру на Мойке и попросит вас вон во имя ваших *Liberte, Egalite, Fraternite*⁴. А вы пожалуй что и воспротивитесь. Он за топор-вилы, вы за револьвер – и вот вам новый пожар. Нет уж, молодой человек, вы ему сначала дайте заработать на хлеб и кашу, да чтоб говядинка в шах, да так, чтоб вдоволь, а уж после, после букварь подсовывайте. Так что Петр Аркадьевич⁵ все верно делает, еще бы не мешали ему говоруны думские да государь почаще прислушивался бы. Но – про государя это я так, по-дружески, и только между нами. И не спорьте, слушать не стану. Мы здесь, господин ротмистр!

Последняя реплика была обращена к гренадерского вида мужчине, застывшему на пороге ресторана и искательно обводящему залу глазами.

– Вот и кончился наш обед и моя скука, – пробурчал Филиппов, поспешно вытирая салфеткой губы. – Не иначе как что-то стряслось.

Ротмистр споро подошел к столику, вскинул руку к козырьку и тут же что-то зашептал начальнику на ухо. Послушав буквально секунд пятнадцать, тот жестом прервал докладчика, выложил на стол деньги за обед, поднялся и направился к выходу. Оба офицера проследовали за ним.

На улице Владимир Гаврилович обернулся к капитану:

– Господин Кунцевич, начните сначала, пусть Александр Павлович тоже будет в курсе. Только по порядку, не перескакивайте.

– Слушаюсь. Около часу назад прямо у Александринского театра трамваем был раздавлен человек. По показаниям очевидцев – самоубийство. Личность пока не установлена, молодой мужчина лет тридцати. При нем обнаружен браунинг и бумажник. В нем список странный: имена, фамилии и адреса. Среди поименованных значится Владимир Владимирович Филиппов. И адрес ваш, Владимир Гаврилович...

– Кто первый прибыл на место?

– Городовой Старостин, ваше высокородие.

Филиппов раздраженно поморщился на «высокородие».

– Да, Знамодело, помню, старательный. Где он сейчас?

⁴ Свобода, равенство, братство – девиз, берущий свое начало со времен Великой французской революции.

⁵ Петр Аркадьевич Столыпин, в 1906–1911 годах председатель Совета министров (премьер-министр) России. Известен как реформатор и государственный деятель, сыгравший значительную роль в подавлении революционного движения 1905–1907 годов.

- Я его с улицы сменил, сидит в части, караулит ночного задержанного.
- Хорошо. Пострадавшего он обыскивал?
- Так точно. Уверяет, что бумажник сразу мне передал, внутрь не заглядывал. Да так и по инструкции положено.
- А труп?
- В покойницкой, где ж ему быть? А вещи я вам на стол положил и кабинет запер.
- Вы вот что, Роман Сергеевич, вернитесь-ка в «Асторию», протелефонируйте оттуда мне на квартиру. Справьтесь у Веры Константиновны, дома ли Владимир, и, если он там, немедленно звоните в часть: пусть пошлют за ним мотор и везут его к нам. И вы тоже после бегом на службу.
- Вот и накарал веселье, да, Александр Павлович? – повернулся он к Свиридову. – Ну, пойдете знакомиться с грешником, не убоявшимся геенны. Чует мое сердце, не от любви несчастной он на рельсы бросился. И что это за список такой, в котором мой сын числится?

* * *

Вид самоубийца имел, мягко говоря, малопривлекательный. Лицо каким-то чудом уцелело и выглядело даже благообразным и безмятежным, но вот под простыней, укрывавшей все ниже подбородка, угадывались весьма неприятные анатомические изменения. На соседнем столе грязным ворохом была свалена окровавленная одежда. Еще один стол оказался занят другим, уже полностью накрытым телом. Рядом с трупом самоубийцы вытирал только что вымытые руки Павел Евгеньевич Кушнир, полицейский доктор, мужчина лет пятидесяти в круглых очках и чеховской бороде.

– Сами видите, господа, шансов выжить у... гм... пациента не было совсем. Грудная клетка раздавлена, ноги практически отделены от тела. Вскрытие покажет более точно, но думаю, что смерть наступила даже не от полученных травм, а от болевого шока. Хотя понятно, что повреждения носят летальный характер, да-с. Предварительно могу сказать следующее: мужчине не более тридцати лет, внешних признаков каких-либо кожных заболеваний нет, насекомых ни в волосах, ни в бороде не обнаружено, телосложение нормальное, ногти и на руках, и на ногах чистые, недавно пострижены. Судя по одежде, человек из приличного общества, но о достатке судить трудно, костюм сильно пострадал, и не вполне понятно, в каком виде он был до происшествия. Сейчас проведу вскрытие, посмотрим на состояние внутренних органов, на содержимое желудка. К вечеру смогу подготовить более полный отчет, да-с.

– Спасибо, Павел Евгеньевич. Вы ведь не возражаете, если мы пока здесь побудем, поволимся с его вещами?

– Вы здесь начальник, Владимир Гаврилович.

Филиппов сам аккуратно разобрал грудку одежды на отдельные предметы, внимательно осмотрел метки на белье, показал Свиридову, тот сделал запись в маленькой темно-зеленой книжечке. Затем приподнял за шнурки штiblеты, пристально изучил подошвы и, ничего не сказав, перешел к брюкам. Те были разорваны чуть выше колен почти пополам и сильно испачканы в том же месте кровью. Затем он подошел к покойнику, приподнял нижнюю часть простыни, покачал головой и вернулся к столу с одеждой. В пиджаке неизвестного предмет гардероба и вовсе угадывался с трудом, тем не менее сыщик расстелил его на столе, постаравшись максимально придать ему заложенную портным форму. Прощупал карманы, скорее для порядка, нежели в надежде отыскать там что-то, упущенное при обыске, распахнул полы и удивленно присвистнул.

– Александр Павлович, посмотрите-ка. Похоже, ларец-то с секретом!

На внутренней стороне пиджака из образовавшейся от колес трамвая прорехи выглядела испачканная кровью бумага.

– Доктор, будьте любезны, одолжите мне скальпель ненадолго. Ага, вот так вот его, осторожно...

Он поддел острым инструментом проходящий поперек спины внутренний шов, вскрыл подкладку и извлек тонкую стопку изорванных и залитых кровью бумаг, исписанных мелким почерком.

– Ну что ж, господин Свиридов, мою руки, и идемте в кабинет. Приобщим к загадочному списку сей манускрипт, а заодно побеседуем с нашим очевидцем. Он, поди, истомился пьяные песни-то в арестантской слушать.

* * *

Отдав вполголоса какие-то распоряжения врачу, Филиппов догнал Свиридова на лестнице. Оказавшись в кабинете, товарищи закурили и с азартом почуявших зверя гончих приступили к изучению изъятых вещей: коричневого потертого кожаного бумажника, небольшого пистолета и сложенного вчетверо листка желтоватой бумаги. Стопку из пиджака пока оставили в стороне – почерк с наскока не поддался.

Пистолет оказался самым заурядным браунингом 1906 года с наполовину пустой обоймой, и, судя по состоянию ствола, стреляли из него в последний раз не так давно. В бумажнике помимо нескольких банкнот была фотографическая карточка молодой девушки в темном платье, довольно милой. На обороте обнаружилась надпись: «Камень, лежащий на дороге, может иметь самые лучшие намерения, но все-таки его надо убрать... Ваша N.».

– Странное послание на память... – пробормотал Филиппов.

– Это из «Овода», Владимир Гаврилович. Возможно, дама не свободна, и камень – супруг, для которого и предназначалось содержимое обоймы этой мортиры. Так что вы, видимо, ошиблись насчет мотивов покойного – всему виной *la femme fatale*.

– Посмотрим, посмотрим... Войдите! – ответил он на робкий стук в дверь. – Проходите, Старостин, мы тут как раз ваши находки изучаем.

Средних лет человек в белой летней форме городского перешагнул порог и почтительно замер посреди комнаты, напротив стола. Александр Павлович с папиросой отошел к окну, показывая, что он здесь только зритель, а заодно и занимая место, дающее возможность наблюдать за обоими собеседниками разом.

– Ну что ж, голубчик, не тушуйтесь и самым подробным образом расскажите-ка нам с Александром Павловичем, как все это вам представилось там, на Невском.

Старостин смущенно прокашлялся в кулак, вытянул руки по швам и забасил:

– Вашбродь, час, должно быть, от полудня прошел, не более того, как прибегает ко мне мальчонка – он у Елисеевых на посылках, давно его знаю. Кричит прям как блажной «убився, убився» и слезы кулаком по роже, звиняйте, по лицу размазывает. Ну я его, знамо дело, за шкирку слегка потряс, не сильно, но в чувство возвернул. Кто, грю, где «убився», ты толком доложи. Ну он и обсказал, что какой-то господин, малахольный с виду, аккурат супротив входу в гастроном под транвай угодил. Я, знамо дело, парнишку за руку и скорым шагом туда. Там народу уж уйма, барышни рыдают, а которые и без чувств лежат, кавалеры их платками обмахивают, а на путях – страх господен – человек распластанный лежит, знамо дело, мертвый уже. Ну я первым образом в свисток дунул, мальчика в часть направил с запиской (да ему не вновь, вашбродь, с опытом малой, иначе б я не доверил) – тут и сосед подбежал, городской Миронов. Пока он зевак отводил и заграждение делал, я, знамо дело, карманы просмотрел, вон все на столе у вас. В кошелек даже не заглядывал, нам чужого добра не надо. А потом уж и труповозка приехала, тут я, знамо дело, в ограждение ушел. Вот и весь сказ, вашбродь.

– А что ж, очевидцев-то вы опросили?

– А то как же. Да только никто особливо ничего не видал: прохожих в такую жару почитай не было, а те, что в вагоне, только и углядели, как кто-то шарахнулся поперек пути. Но рядом не было никого, сам он сиганул-то, это и вожатый, и те, кто спереди ехал, показали. Я их адреса и фамилии записал, все как полагается, знамо дело.

– Молодец. А скажите-ка мне, Старостин, крови-то, – подался вперед Филиппов, – крови много было?

– Знамо дело, а как же, чай, живого человека колесами железными раздавило, крови довольно. Прямо скажем, лужа натекла.

– А не заметили ли вы, он весь в луже лежал? От головы до ног?

– Да ну как, вашбродь? Он же аккуратно поперек рельсов распластался, вот кровь-то вниз по ним да промеж их и стекала, должно, до самого моста. А голова и ноги снаружи оказались, туда почитай ничего не попало, даже лицо почти чистое было.

– А обувь его на ногах осталась? Не соскочили штиблеты?

– Никак нет, вашбродь, чинно в башмаках лежал.

– Спасибо, голубчик, ступайте.

Когда городской, козырнув, вышел, он обернулся к Свиридову.

– Что скажете, Александр Павлович? Не странно ли?

– Обувь? – выдохнул тот с папиросным дымом.

– Именно, голубчик. Вы ведь тоже заметили? На подошвах у нашего самоубийцы и на левом носке ботинка темные пятна, очень уж кровь напоминающие. И кровь эта вряд ли его. Я готов допустить, что брызги могли попасть ему на носок, но на подошвы?.. Он должен был лежать в луже крови с ногами, ну или ботинки должны были в ней находиться. А Старостин утверждает, что покойный обуви не терял и лужи возле его ног тоже не обнаружилось. Да я еще при осмотре обратил внимание: ни брюки, ни ноги ниже колен не запачканы. Вот увидите, вечером в отчете господина доктора мы с вами прочтем о том, что наш незнакомец незадолго до своей кончины потоптался в месте, которое должно будет заинтересовать сыскную полицию.

В дверь снова постучали. На этот раз в кабинет вошел ротмистр Кунцевич, а за ним худощавый юноша лет двадцати в студенческом сюртуке.

– Владимир Гаврилович, – доложил капитан, – вот, Владимира Владимировича доставили, как вы просили.

– Спасибо, господин капитан. Ступайте, но, если придется отлучиться, предупредите меня, в вас еще может возникнуть нужда. Здравствуй, Володя, садись.

Молодой человек коротко кивнул Свиридову и сел напротив отца. Беглого взгляда на двух Владимиров Филипповых хватило бы, чтоб понять, что перед вами отец и сын, единственно старший в силу возраста и степенного положения был более грузен, усат, а в черной шевелюре уверенно поселилась седина.

Надо отметить, что в последнее время между отцом и сыном наметилась некая холодность, инициированная в первую очередь последним. Филиппов-старший списывал это на изменение окружения отпрыска: тот начал учебу в университете, и, само собой, новая бытность частично вытеснила семейную. Владимира Гавриловича, конечно, несколько печалило такое положение дел, но он мудро – как ему казалось – решил не выяснять отношений и ожидать, пока новые впечатления утратят свою свежесть. Тем более, что в университете Владимира-младшего хвалили (грешен отец, не сдержался, заехал в альма-матер, переговорил с некоторыми старыми знакомцами), и поводов для серьезного беспокойства вроде бы не наблюдалось. В общем, действовал Филиппов по всегдашней мужской привычке – мол, само собой все образуется. Потому и сейчас, глядя в настороженно-колючие, готовые к дерзости глаза сына, невольно медлил.

– Владимир... Нам с Александром Павловичем нужна твоя помощь... Видишь ли... Нам кажется, что с одним из твоих знакомых произошло несчастье...

Молодой человек продолжал настороженно смотреть на отца, лишь, казалось, плечи чуть поникли, и поза стала немного свободнее.

– Я хочу попросить тебя о не очень приятном одолжении. Нам важно выяснить личность трагически погибшего сегодня утром человека, и мне кажется, что ты сумеешь нам помочь...

– Я? Почему я?

– Среди его вещей был найден листок с именами. В том числе и с твоим.

* * *

Между тем ближе к вечеру в полицейской части стало гораздо многолюднее, поэтому в покойницкую приходилось прокладывать себе дорогу уже чуть ли не плечами. В коридорах сидели заявители, сновали курьерские, деловито передвигались приставы. На первом этаже, почти на самой лестнице в подвал, делегация чуть было не столкнулась с караульным, сопровождавшим молодого человека в приличной одежде, но слегка помятого вида, как если б он спал не раздеваясь, и с сильным запахом вчерашнего веселья. Филиппов-младший задержал взгляд на конвоируемом, но тот молча прошествовал мимо, не поднимая глаз.

Картина, представшая перед ними в морге, мало чем отличалась от послеобеденной: доктор так же мыл руки, видимо, закончив свою работу, и только самоубийца был накрыт простыней полностью, с головой.

– Володя... Я еще раз извиняюсь за то, что вынуждаю тебя участвовать в этой неприятной процедуре, но ты можешь существенно облегчить нам труд. – Владимир Гаврилович откинул с лица покойного покрывало.

– Это он его, да? – Взгляд юноши застыл на бледном, почти белом лице.

– Кто?

– Мазуров. Мы встретили его на лестнице.

* * *

Рассказ про Мазурова занял у Владимира всего несколько минут, но имел весьма значительные последствия.

– Они с Сергеем очень дружны были. Ну, так говорили. Этот человек на столе – Сергей Зимин. Он несколько лет назад окончил университет и остался преподавать. А Мазуров был его студентом. По слухам, они состояли в каком-то политическом кружке. Я не знаю подробностей.

– Владимир Владимирович, почему вы решили, что этот Мазуров убил Зимина? Они враждовали? – Свиридов внимательно смотрел на юношу, но тот по-прежнему не отрывал взгляда от лица лежащего на столе человека.

– Не совсем. Они дружили, я же говорил. Мы не были коротко знакомы, но часто виделись в университете, пересекались на учебных судах. И между тем я пару раз становился свидетелем их ссор. Мне кажется, что ссорились они из-за женщины.

– Любовный треугольник?

– Не то что вы думаете. У Мазурова есть сестра. Я видел их несколько раз вместе, он нас представил друг другу, но я не уверен, что правильно запомнил имя. По-моему, Надежда... Несколько дней назад я стал невольным свидетелем ссоры Мазурова и Зимина. Они ругались в коридоре. Мазуров требовал, чтобы Зимин отстал от его сестры, что она слишком молода и не осознает всей серьезности... чего-то, какого-то дела. А Сергей что-то говорил про единство помыслов и родственность душ. Я думаю, речь шла как раз о какой-то политической... активности. Мазуров схватил Сергея за пиджак и крикнул, что он не позволит вовлечь в дело сестру и пусть Зимин не надеется, он готов помешать ему любыми средствами. Я не стал слушать дальше, вернулся в аудиторию. Ведь они могли решить, что я шпионю за ними.

Филиппов качнулся на носках, в задумчивости подошел к соседнему столу и, откинув простыню со второго тела – доставленной ночью убитой, подозвал сперва Свиридова. Тот взглянул в лицо, и брови его в удивлении поползли вверх.

– Володя... Эта не та самая девушка?

Все произошедшее после этого вопроса можно описать одним словом: медленно. Медленно повернулась голова Владимира, медленно кивнула, и сам юноша медленно опустился на пол. Сознания он не потерял, но взгляд его стал абсолютно пустым.

Глава 2

ПЕТЕРБУРГ. По отчету главного управления по казенной продаже питей, общее потребление в минувшем году составило 89 542 447 ведер стоимостью в 759 675 278 рублей, превысив потребление в 1909 году на 6,19 процента. Среднее душевое потребление составило в отчетном году 12 бутылок, понизившись на 0,02 ведра против предшествующего года; максимальным душевым потреблением отмечены столичные губернии, Петербургская и Московская, где оно превысило 30 бутылок.

Газета «Дневныя извѣстія», август 1911 года

* * *

– Занятная история просматривается, Владимир Гаврилович. Надо бы поговорить с этим Мазуровым. Ну неужто он убил сестру, чтоб спасти ее от нигилистов? – Свиридов раздраженно размял в пепельнице папиросу.

Филиппов задумчиво посмотрел на раздавленный окурочек.

– Да уж... Спасением это трудно назвать... Но ведь и предположить, что – простите за мрачный каламбур – самоубийца был убийцей, да еще и той, чью карточку бережно хранил в своем бумажнике, также сложно. Хотя... Это объясняло бы его дальнейшее поведение. Давайте-ка прежде протокол почитаем и допросные листы тоже. Скучное бытовое убийство перестает таковым казаться.

Дежурный принес бумаги, и Филиппов начал читать вслух:

– Протокол осмотра места преступления, составил околоточный надзиратель Пикин 1911 года, августа 10-го дня – ну, формальности опустим, вот: «Прибыв по вызову дворника Коновалова по адресу С.-Петербург, Литейный пр., 24, доходный дом генерала Рейна, обнаружили труп молодой женщины, предположительно 20–22 лет, русоголовой, прилично одетой, с огнестрельным ранением практически по центру грудной клетки. В комнате опрокинута пара стульев, сорвана со стола скатерть, разбросаны осколки стекла. На полу найден спящий мужчина лет 25–27, разбудить которого не представилось возможным ввиду его сильнейшего опьянения. Доставлен в участок. При осмотре места убийства оружия не обнаружено. Также не было оно найдено и при обыске задержанного. Протокол опроса дворника прилагаю. Пикин И. С.». Так... Ну дворник понятно, слышал среди ночи выстрел, свистнул городского. Читаем дальше. Что за черт?! Простите, Александр Павлович. Но тут только листок с допросом того самого дворника. Где ж показания Мазурова?

– Может, с ним еще беседуют? Дежурный!

В дверь просунулась голова в фуражке.

– Где сейчас задержанный Мазуров?

– У пристава Корнеева.

– Идемте, Александр Павлович, – поднялся Филиппов.

В кабинете им предстала весьма колоритная картина. Пожилой пристав, раскрыв от изумления рот, молча смотрел на бьющегося в истерике арестанта, а тот, разодрав ворот рубахи, рвал на себе волосы и истошным хриплым шепотом повторял: «Надя!.. Надя!..» Филиппов быстро подошел к молодому человеку и отвесил тому звонкую оплеуху, а Свиридов протянул ему стакан воды, только что налитой из стоящего на казенном столе графина. Мазуров, держась за ушибленную щеку, молча взял стакан, осушил его большими глотками и изумленно уставился на вошедших.

– Господин Мазуров. Мы глубоко и искренне разделяем ваше горе. Но давайте вы сделаете над собой усилие и поможете нам прояснить это загадочное дело, – медленно, монотонно и почти по слогам произнес Владимир Гаврилович, глядя прямо в глаза молодому человеку и усаживая его за плечи на стул. – Я начальник столичной сыскной полиции, Филиппов Владимир Гаврилович. Это мой помощник, Александр Павлович Свиридов. А вы у нас?..

– М-мазуров... Алексей Дмитриевич... Студент... Как? Как это случилось?! Мне сейчас сказали, что Надю убили! И что это сделал я!.. Убили... Н-Надю... – опять начал всхлипывать Мазуров.

Свиридов подал ему еще воды, тот снова выпил, стуча зубами по стеклу.

– Я так понимаю, пристав Корнеев только начал обрисовывать вам суть произошедшего. Позвольте продолжу я. – Филиппов посмотрел в сторону стола, пристав согласно кивнул в ответ. – Итак. Вчера в доме 24 на Литейном около четырех часов ночи – ну или утра, если будет угодно, – прозвучал выстрел. Дворник, обеспокоившись, вызвал полицию. В 17-й квартире была найдена девушка, увы, мертвая, и вы, вполне себе живой, но в состоянии, абсолютно не пригодном для ведения беседы. Вас доставили в участок, где мы с вами сейчас и разговариваем. У нас есть свидетель, который опознал и вас, и вашу сестру. И нам очень интересно услышать, как развивались события, приведшие в конце концов к столь печальному итогу.

– На Литейном? Это же... Господи, я ничего не помню!.. Надя! Она правда мертва? Я хочу ее видеть!

– Обязательно. Но чуть позже. Скажите, у вас есть оружие?

– Оружие? Какое оружие?

– Огнестрельное. Револьвер, допустим. Или пистолет? Браунинг, к примеру...

– Браунинг? Почему именно браунинг?

– Ну... Популярные пистолеты, у многих есть...

– Нет, нету у меня ничего. Ружье тульское у отца есть, но я не охотник. Господи, родители не перенесут...

– Простите, Алексей Дмитриевич, сколько вам лет?

– Двадцать четыре.

– И вы все еще учитесь?

– Я на выпускном курсе. Мы небогаты, потому мне пришлось дважды брать отпуск.

– Вы спросили про Литейный так, будто вам знаком этот адрес. Кто живет в этой квартире? – спросил Свиридов.

– Понятия не имею. Дайте еще воды.

Александр Павлович не стал дожидаться, пока опрашиваемый допьет до конца, и выпалил скороговоркой:

– Там ведь живет ваш приятель Сергей Зимин?

Брызги разлетелись во все стороны.

– Откуда?.. Где он? Это он ее, да? Да нет, Сергей не мог! Он хоть и негодяй, но не подлец. Он же любил ее. Но у него есть пистолет! Вы его схватили? Что он говорит?

– Увы, Алексей Дмитриевич, хоть господин Зимин и у нас, но он ничего не говорит и уже точно ничего не расскажет. – Филиппов поднял откатившийся к столу стакан.

– П-почему? Дайте мне с ним... Я такого про него расскажу!..

– И повторяю: увы, Сергей... как его по батюшке?

– Сергеевич...

– Так вот, Сергей Сергеевич Зимин крайне неразговорчив по причине того, что он мертв.

* * *

В третий раз за день идти в покойницкую Филиппов отказался и отправил туда с конвойным и Мазуровым помощника. Сам же занялся расшифровкой извлеченных из пиджака Зимина бумаг. При более внимательном рассмотрении выяснилось, что не все листы были написаны одним человеком, о руку которого они сперва споткнулись. Имелись и вполне читаемые экземпляры. Владимир Гаврилович начал с того, что разделил стопку по разборчивости почерков. Тут же стало ясно, что почти все труднопонимаемые тексты принадлежат перу одного и того же человека, а остальные исписаны разными людьми. После прочтения последних бумаг выяснилось, что текст во всех совпадает, различаясь лишь в первом предложении. Это были письменные клятвы, причем относительно свежие – самое древнее было датировано 24 июня 1911 года.

«Я, Сухомлин Виктор Сергеевич, клянусь отдать себя всего делу революции, не жалеть ни сил, ни самой жизни, служа интересам России и партии и требуя того же от своих товарищей. Отрекаюсь отныне от всяких семейных уз, дабы ничего не мешало моей революционной борьбе. Обещаю быть безжалостным к врагам народа и беспрекословно подчиняться приказам партии».

Название партии нигде не указывалось, а в делах политического сыска Владимир Гаврилович профессионалом не являлся, потому вот так с ходу по тексту определить принадлежность к какому-либо из многочисленных революционных движений современной России не мог. Он отложил эти расписки, снова закурил и в задумчивости взял в руки бумажник. Достал фотографию Надежды Мазуровой, долго вглядывался в красивое лицо, потом перевернул карточку и еще раз прочитал послание. Теперь, после всех установленных фактов, в нем легко можно было усмотреть не только личный, интимный характер, но и призыв к какому-то определенному деянию в отношении конкретной персоны. Камень, который все-таки требовалось убрать с дороги... Увы, покушения на людей государственных в последнее время стали прямо какой-то черной революционной модой. Похоже, к делу нужно будет привлекать Охранное отделение, а то и вовсе придется передать его жандармским. Мысль эта Филиппову не понравилась, он рассеянно постучал о сукно стола бумажником, а после швырнул его в дверь. Мгновение спустя та приоткрылась, и в щель опасно просунулась голова Свиридова.

– Ох, Александр Павлович, голубчик, бога ради, извините, что-то я расписывался, как курсистка, – поднялся из-за стола Филиппов. – Входите, входите, рассказывайте, что там?

Свиридов сел напротив и положил на стол тонкую папку.

– Ну с Мазуровым все предсказуемо – увидел сестру, опять забился в истерику. Я попросил доктора дать ему что-нибудь успокоительное и отправил в камеру. А вот дальше все очень интересно. Павел Евгеньевич подготовил отчет, – Свиридов кивнул на папку, – и вы оказались правы: кровь на ботинках не Зимина.

– Ох, надо было попросить сравнить ее с кровью убитой Мазуровой.

– А он так и сделал. Черт знает, что его дернуло, говорит, явилось озарение, как под руку кто толкнул. Это ее кровь на обуви.

– Значит, Зимин точно был на Литейном. Вот только вопрос: в момент убийства или после?

– Осмелюсь предположить, что он не просто был там во время выстрела, но и сам стрелял. У Зимина – в отчете доктора этот факт отражен – на правой кисти в области большого пальца и на тыльной стороне ладони свежие пороховые вкрапления. Так что я предлагаю заказать на завтра эксперта по баллистике. Проверим и пулю, и пистолет. Но, вероятнее всего, дело обстояло следующим образом: Зимин и Надежда Мазурова находились у него на квартире, куда заявился уже пьяный Алексей Мазуров. Видимо, выяснять отношения. Возникла ссора,

которая вылилась в потасовку и случайный выстрел. Я осмотрел одежду убитой. Края пулевого отверстия на жакете явно подпалены, то есть стреляли почти в упор. Возможно, Зимин угрожал пистолетом пьяному братцу, а Надежда Дмитриевна пыталась их разнять. Несчастный случай, осталось дожидаться подтверждения от эксперта.

– Да, звучит довольно правдоподобно.

– Вполне. И объясняет все его дальнейшее поведение, вплоть до самоубийства. Он ведь не просто потерял любимого человека, а послужил причиной его гибели. Если бы виноват оказался Мазуров, логично было бы предположить дальнейшую месть со стороны Зимина, а никак не сведение счетов с жизнью.

– Только давайте-ка мы еще попробуем дактилоскопию сделать. Есть у меня знакомый в Центральном бюро. Помните, какие они недавно фокусы показывали на выставке в Царском Селе?

– Ну если они согласятся, то было бы весьма познавательно. А как у вас обстоят дела с тайнописью?

– Обычные революционные расписки в верности партийным идеалам. Пусть дальше Охранное отделение выясняет, адепты какой именно партии их писали. Это ведь я из-за мысли, что придется им дело отдавать, так уликами раскидался. Голубчик, поднимите портмоне, не сочтите за труд.

Свиридов прошел до двери, поднял раскрывшийся бумажник и изумленно уставился на торчащий из торца кожаной складки листок синеватой бумаги.

– Владимир Гаврилович, очередной бумажный сюрприз с того света. – Он повернулся к начальнику, не поднимая глаз от клочка бумажки с фиолетовой печатью. – Тут пропуск в Охранное отделение на сегодняшнее утро на имя Зимина. Выписан самим полковником фон Коттенем.

* * *

День второго столпа охраны правопорядка российской столицы – а учитывая мнение государственной власти, пожалуй что и первого – полковника фон Коттена, начальника Петербургского Охранного отделения, начался чуть менее суетливо, нежели у господина Филиппова. Завтрак прошел мирно, супруга дежурно поцеловала его перед выходом в щеку, и к 11 часам он уже находился в своем кабинете на Мойке. Но вот дальше все пошло так, будто его подвергли жуткому сглазу.

Сперва не явился очень важный визитер – агент по кличке Павлов, ради которого, собственно, Михаил Фридрихович и отправился сегодня на службу. Причем не просто не явился – вместо него в приемной ждал сотрудник, которого фон Коттен приставил за ним доглядывать. И ждал он с дурными новостями с Литейного: на двери квартиры печать, дворник рассказал, что ночью в доме была стрельба, а из самой квартиры полицейские утром увезли два тела. Свой человек в Казанской части сообщил, что действительно рано утром доставили пьяного мужчину и мертвую женщину, но по приметам мужчина на Павлова не походил.

В состоянии жуткой напряженности и полной неопределенности прошел обед, а после как гром среди непривычно ясного для северной столицы неба прозвучал второй звонок из Казанской: в часть привезли новый труп, описание совпадает. А после совпало и имя! Дело, планировавшееся несколько месяцев, рушилось на глазах. Необходимо было докладывать во дворец, но рука не поднималась крутануть ручку телефона. Тем не менее пришлось-таки собрать в кулак взбунтовавшуюся волю и сделать звонок.

Встреча была назначена в Михайловском саду через три четверти часа. Михаил Фридрихович поднялся в служебную квартиру, сменил мундир и фуражку на чесучовую пару и летнюю шляпу, захватил трость и направился по Конюшенному в сторону канала. Его путь

был ближе, чем у его визави, и он рассчитывал оказаться на месте первым, однако, войдя в сад, увидел поднявшегося навстречу со второй скамейки высокого господина в легком светло-коричневом костюме, соломенном канотье и щегольской бабочке. Выправка его явно диссонировала с модным цивильным нарядом, равно как и аккуратные, ухоженные усы, отдающие медной рыжиной.

– Что стряслось, Михаил Фридрихович? – Он вежливо приподнял шляпу и, вытянув правую руку, пригласил фон Коттена внутрь парка.

– Странное место для встречи, вам не кажется? Тут же полно народу!

Людей к вечеру действительно прибавилось. По аллеям прогуливалась чистая публика, пришедшая сюда из душных квартир и кабинетов в поисках тени и вечерней прохлады, на входе торговали холодной сельтерской и оранжадом, а из глубины сада несло разногласье разносчиков всякой снеди: «кому пирожки с перцем да собачьим сердцем», «возьми кваса кружку да от калача дужку», «деньгу мечи – покупай калачи».

– Так что с того? – беспечно пожал плечами рыжеусый. – Иголку проще всего спрятать в шкатулке для рукоделья. Никто на нас не обратит внимания, поверьте. Просто гуляем и мило беседуем. Так что за срочная информация?

– Зимин погиб, – выпалил фон Коттен, опасаясь, что решимость может его покинуть.

Господин в канотье резко остановился, бешено сверкнул из-под английской соломки глазами, но быстро справился с собой и продолжил движение. То, что известие явно его не обрадовало, выдавали только столбики пыли, поднимающиеся над дорожкой в местах, где он сильно впечатывал наконечник своей трости.

– Как это произошло?

– По имеющимся у меня сведениям – самоубийство. Бросился под трамвай на Невском.

– Оpoznан?

– Да. Дело на контроле у Филиппова.

– При нем что-нибудь обнаружили? Что-нибудь важное? – Последнее слово было произнесено с явным нажимом.

– Увы, это мне пока неизвестно, а выяснять сразу опасно. Но я боюсь, что выявить его связи будет не так уж трудно: мы ведь и выбрали Зимина из-за явных революционных взглядов. Вопрос лишь в том, когда меня навестит Филиппов и сумеет ли он установить характер отношений Зимина с Охранным отделением. Но за Филипповым присмотрят. Да и не думаю, что Зимин фиксировал на бумаге детали нашего плана, на этот счет инструкции были однозначные, так что проблема не в сыскных, а в том, что у нас нет исполнителя.

– Да уж... – задумчиво протянул «коричневый» господин. – Беда... Какой черт его под трамвай-то толкнул, что за истерики, он же не гимназист какой?

– Причину мы непременно установим, но ситуацию это не исправит. Нам нужно либо все отменять, либо срочно искать другого человека.

– Есть кандидаты?

– Возникла у меня одна мысль, пока шел сюда. Возможно, случившееся с Зиминим не беда, а промысел господний.

– Объяснитесь?

– Изначально я планировал предложить для этой пьесы другую приму. И его кандидатура снимала бы вопрос о том, как нам своего протеже доставить в Киев: он из местных. Когда я хотел с ним встретиться в прошлом году, он испугался и сбежал за границу. Но теперь вернулся домой – надо полагать, набегался. Только придется во все посвящать Кулябко.

– Во все не обязательно. Рассказывайте.

Через полчаса конфиденты прощались у восточных ворот парка.

– Итак, Михаил Фридрихович, как и условились, вы нынче же снесетесь с Кулябко по своим каналам, предупредите его о необходимости встречи с вашим беглецом. Пусть пока про-

сто наблюдает за ним и ждет меня. Я буду в Киеве в субботу, тринадцатого, тогда мы обсудим все нюансы и выберем место и время. Главная его задача до моего приезда – обеспечить присутствие объекта в городе. Честь имею.

Он приложил два пальца к полям шляпы – солнечным зайчиком ударил по глазам полковника бриллиантовый перстень – и зашагал вверх по Садовой в сторону проспекта. Фон Коттен же двинулся обратно через сад: он планировал еще вернуться к себе на Мойку.

Глава 3

КИЕВ. Киевская губернская земская управа изъяла из народных библиотек «Кобзаря» Шевченко.

Конфискован номер «Киевских откликов» от 2 августа за напечатание неизданной статьи Герцена.

Газета «Внутреннія извѣстія», август 1911 года

* * *

Дмитрий Григорьевич Богров чувствовал себя древнерусским былинным витязем. Он был на распутье. Правда, без коня – мог смело идти направо – и без жены – то есть дорога налево тоже ничем особенным не грозила. Но уже ни к левым, ни тем более к правым душа его не лежала. Оставалось двигаться по прямой, однако этот путь всерьез сулил потерю молодой головы.

А ведь только-только все начало налаживаться: блистательный Петербург, казавшийся волшебной сказкой и после беспокойного Мюнхена и тем более после патриархального родного Киева; перспективная служба, не очень обременительная, но сулящая надежное будущее; оставшиеся в прошлом и господа анархисты, и те, кто их ловит.

К сожалению, столицу пришлось спешно покинуть из-за вновь возникшего интереса Охранного отделения (несомненно, тут не обошлось без вмешательства бывших «коллег» Богрова из киевской политической полиции), и несколько месяцев молодой человек вынужденно «поправлял здоровье» в приятной, только очень уж тихой зимней Ницце. Петербург был теперь закрыт для Дмитрия Григорьевича, а на Ниццу в вот-вот готовящемся начаться сезоне катастрофически не хватало средств, вследствие чего весной 1911 года помощник присяжного поверенного Д. Г. Богров вернулся в отеческий дом на Бибиковском⁶ бульваре в Киеве, решив, что давний знакомый, киевский жандармский подполковник Кулябко, предпочтительнее абсолютно неизвестного петербургского полковника фон Коттена: с Николаем Николаевичем оставался шанс все-таки полюбовно договориться.

Тут стоит немного объяснить, осветив некоторые факты из жизни господина Богрова. Дмитрий Григорьевич, а в ту пору просто Митя, рос в весьма обеспеченной семье киевского присяжного поверенного. Помимо успешной адвокатской практики отец Митеньки являлся к тому же домовладельцем, а дед и вовсе отличился, добившись довольно заметных успехов на писательском поприще. Потому детство и отрочество Дмитрия было вполне безоблачным, а будущность его представлялась весьма прозрачной и легко прогнозируемой. Окончив Первую – лучшую в Киеве – гимназию, в 1905 году он легко поступил на юридический факультет Киевского университета, а когда в сентябре университет закрыли, папенька направил будущего юриста на учебу в Мюнхен.

Надо ли разъяснять, что в то беспокойное время в баварских бройхаусах собиралось огромное количество российских подданных, не отличавшихся любовью к отеческому престолу? Воздух свободы и витавший в нем бунтарский дух закружили молодую студенческую голову, втянули в бурлящий котел революционного варева с невероятным количеством ингредиентов. От одного многообразия партийных названий захватывало дыхание: анархисты, социалисты-революционеры, социал-демократы, кадеты, октябристы, монархисты, какие-

⁶ Ныне бульвар Тараса Шевченко.

то с совершенно непроизносимыми названиями этнические организации, стремящиеся то ли к государственности, то ли к пошлomu разбою.

Вернувшись через год в Киев глубоко влюбленным в революционные идеи, девятнадцатилетний Дмитрий нашел родной город в таком же кипящем состоянии и, недолго сомневаясь, примкнул к группе анархистов-коммунистов.

Однако глубокая влюбленность в глубокую же любовь так и не переросла. Товарищи по группе на партийных собраниях больше обсуждали не идеалы французской революции, а планы экспроприаций. И ладно бы изъятые средства направлялись на искоренение социального неравенства. Увы – господа анархисты ограничивались выравниванием собственного материального положения и пополнением arsenалов для будущих эксков⁷. Революция показала молодому Богрову свою малоприятную сторону, оставив романтизм хождения в народ и покушений на царевых слуг другим, более дисциплинированным партиям. Вместо оваций Веры Засулич⁸ явственно стал слышен приближающийся звон кандалных цепей, а вместо громких политических процессов – будничность уголовных статей.

Душевные метания на какое-то время даже привели юного искателя под крыло киевской полиции, той ее части, что отвечала за внутреннюю безопасность империи и презрительно именовалась у передовой молодежи охранкой, сделав его «господином Аленским». Подполковник Кулябко, начальник Киевского Охранного отделения, был с молодым человеком очень ласков, сочувственно кивал, слушая его речи, принимал даже дома, подолгу проникновенно говорил о России, о долге перед отечеством, но – на полицейском поприще разочарование постигло новоиспеченного сексота еще быстрее, нежели на анархическом. Очень скоро стало ясно, что все елейные речи обходительного Николая Николаевича имеют под собой весьма конкретную цель, в основе своей мало отличающуюся от побуждений бывших соратников: подполковника пуще безопасности династии и спокойствия обывателей волновали благодарности, награды и продвижение по службе, несущее за собой улучшение собственного благосостояния. Потому и последовало письмо с прошением о прекращении всяких сношений с полицией и фактическое бегство в Санкт-Петербург. Ну а дальнейшие приключения уже описывались выше.

Надо сказать, что после очередного возвращения в родной город Дмитрий Григорьевич виделся с Кулябко лишь единожды. На второй день по приезде Богров получил записку, в которой знакомым почерком было указано лишь место и время, без подписи, без карточки – привет из прежней жизни. Но встреча прошла спокойно, как будто два старых приятеля решили выпить кофе после долгой разлуки. Николай Николаевич получил от Богрова заверения в том, что с анархией покончено, равно как и с секретной службой, и, казалось, это не так чтоб его расстроило. Надо полагать, недостатка в менее щепетильных информантах он не испытывал, а встретился с бывшим сотрудником лишь для проформы, чтобы поставить галочку напротив выполненного рутинного дела.

С той встречи минуло чуть менее полугода, ничем особо не омраченных. Пару раз его навещали старые знакомые из анархического прошлого, однако, поняв (и, хотелось бы верить, приняв), что к прежнему возврата нет и не будет, визиты эти прекратили. Правда, прогуливаясь вечерами по весенним тихим киевским улочкам, Дмитрий Григорьевич иногда ощущал между лопатками неприятный холодок чужого недружелюбного взгляда, а пару раз ему даже казалось, что, обернувшись, он видел какое-то резкое движение по направлению к подворотням, но, так как встречи с ним никто не искал, Богров списал все свои страхи и подозрения

⁷ Экс – сокращенное жаргонное название экспроприации – фактически ограбления, но оправдываемого политической целью. Обычно деньги, полученные в результате «эксков», шли на оплату типографий (печать революционной прессы), подкуп судей, устройство побегов. Но иногда и просто использовались на корыстные цели.

⁸ Вера Ивановна Засулич (1849–1919) – российская революционерка, писательница. В 1878 году совершила покушение на столичного градоначальника Ф. Ф. Трепова, тяжело его ранив. Была оправдана судом присяжных, избежав положенных за подобное преступление 15–20 лет тюрьмы.

на расшатанные нервы и заставил себя не искать серую кошку там, где ее нет. Жизнь потекла мирным, покойным и, чего уж лукавить, скучным чередом.

Пока в середине августа горничная не принесла новую неподписанную записку.

* * *

– Дмитрий Григорьевич, вы любите Россию? – Вопрос задан был как бы между прочим, и автор его, жандармский подполковник Николай Николаевич Кулябко, даже не поднял при этом на собеседника глаз, сосредоточившись на томившемся в серебряной кастрюльке куске двухрублевой стерляди, обложенной раковыми шейками.

Богров напрягся еще больше. Сама назначенная встреча хоть и выглядела неофициальной из-за выбранного места, но понятно было изначально, что позвали его не для того, чтоб справиться о присяжных делах. А разговор о любви к родине грозил перерасти в просьбы, от которых трудно отказаться.

– Николай Николаевич, к чему эти прелюдии? Вы же знаете, что наши встречи мне в тягость, так давайте сразу перейдем к делу.

– Вы и впрямь не желаете угоститься, в счет Охранного отделения? Поверьте, кухня в «Шато-де-Флер»⁹ великолепна, этакий кулинарный симбиоз парижской воздушности и исконно русской основательности. Ну как знаете. Я же манкировать обедом не привык.

В разговоре возникла пауза, заполняемая лишь журчанием фонтана да позвякиванием приборов о фарфор. Богров твердо решил по возможности отмалчиваться и не намеревался помогать подполковнику, но того, казалось, молчание совсем не тяготило. Он был поглощен обедом и лишь изредка бросал на собеседника лукавые взгляды. Покончив со стерлядью, Кулябко промокнул губы, откинулся на стуле и нарушил-таки тишину:

– Дмитрий Григорьевич, мы с вами довольно давно знакомы. При этом не могу сказать, что я вас очень глубоко изучил. Я видел ваши терзания, но, увы, не имею понятия, чем на самом деле они закончились. Вы уверяли меня, что революционный романтизм вам более не мил, и мои сведения это подтверждают. Но тем не менее перед важным разговором мне необходимо убедиться в том, что мы с вами если не единомышленники, то хотя бы не противники. Скажите, что вы думаете о председателе нашего кабинета министров?

– Что за экзамен, господин подполковник? Какого ответа вы от меня ждете?

– Желательно честного, и можете говорить без опаски, не про государя же я вас спрашиваю.

– Извольте. Вот только откроете ли вы что-то новое для себя? Статс-секретарь Столыпин – самый ненавистный в революционной среде человек. Даже помазанник не раздражает так сильно, как премьер. И дело тут не в том, что он задушил революцию, – этого от него как раз ожидали, и даже его методы удивили лишь особо впечатлительных. Хуже то, что он делает сейчас. Отдавая землю крестьянам, Столыпин вырывает ее из-под ног революционных агитаторов. И, видя, как сильно не любят премьер-министра мои бывшие соратники, я понимаю, что дела его на пользу России. Однако есть ощущение, что раздражает он не только противников власти, но и тех, кто обретается под сенью трона.

– Вот! Как верно вы уловили суть! Я всегда знал, что вы – человек, умеющий видеть то, что скрыто от большинства глаз.

Лесть была грубой, Богров поморщился, но Кулябко увлеченно продолжил – несмотря на занимаемую должность, проницательностью он не отличался:

⁹ От *фр.* Château de Flers – Замок цветов. Кафе-шантан в Царском саду (ныне Городской парк, территория стадиона «Динамо»).

– У Петра Аркадьевича много злопыхателей и мало сторонников. Люди прогрессивные в основной массе своей заражены бациллой нигилизма и видят в нем апостола реакции. Они боятся, что он убережет Россию от революции, им пожар нужен мировой. Консерваторы же откровенно трусят за свои пахоты и покосы, хоть с них и прибýtка алтын да полушка на тысячу десятин. Утрирую, конечно, но суть вам ясна. А те, кто должен был бы горой стоять за премьера, – темная бородатая масса, не способная понять своей выгоды.

– Вы предлагаете мне пойти в народ? Просвещать крестьянство? Увольте, сия стезя уже опробована.

– Избави вас бог, Дмитрий Григорьевич. Да и к господам бомбистам я вас заново сватать не собираюсь, очень рад, что вы одумались, и смею надеяться, я тоже сумел этому поспособствовать.

– Так чего вы от меня хотите? Я, признаться, устал угадывать.

– Помощи. Я сейчас стану говорить крамольные вещи, потому и сидим мы с вами в душном кабинете с затворенными окнами, а не любуемся с террасы за моционом милых киевлянок.

Тем не менее, несмотря на уверения в конфиденциальности, подполковник понизил голос так, что Богров невольно подался вперед:

– Как я уже сказал, Петру Аркадьевичу катастрофически не хватает сторонников. Но они у него есть. Несмотря на то что государь к своему помощнику охладел, остались при дворе люди, готовые поддержать Столыпина, и нам с вами долг велит оказать им всякое содействие.

– Вы извините мою прямоту, Николай Николаевич, но по Сеньке ли шапка? Где Столыпин и где я, да даже и вы?

– А вот тут, дорогой мой, позвольте с вами не согласиться. Даже маленький человек способен изменить ход истории, и в предстоящем деле нам с вами отведена первейшая роль, хоть в учебниках о нас и не напишут. Ну, если все пойдет по задуманному, то не напишут... Вы уж меня извините, – он бросил взгляд на заигравшие гимн наполевные часы, – детали мы обсудим в другой раз, мне важно было понять, можно ли вовсе вести с вами такие разговоры.

– И как, поняли? – хмыкнул Дмитрий.

– У меня не сложилось однозначного мнения. Мне требуется подумать. И от результатов этого обдумывания зависит, состоится ли наше повторное *rendez-vous*. А пока вынужден попрощаться – у меня здесь через десять минут другая важная встреча.

Богров молча встал, после секундной паузы все-таки пожал протянутую руку и вышел. Немного постояв на пороге кафе-шантана, он быстро пересек аллею и прислонился к старому дубу, почти слившись со стволом дерева. Взгляд же не отрывал от входа в только что оставленный им ресторан. «Посмотрим, что за важную персону вы ожидаете, господин жандарм».

Но минуло десять, затем двадцать минут, истекло полчаса, а в ресторан зашли лишь две молодые барышни, явно неподходящие на роль конфиденентов. Получалось, что подполковник либо солгал, либо его собеседник уже был внутри. Оставалось лишь ждать, не выйдут ли они вместе.

Дмитрий Григорьевич ошибся на самую малость: человек, с которым встречался подполковник Кулябко, не просто находился внутри, он практически был свидетелем его беседы с Богровым. Как только за молодым человеком закрылась дверь кабинета и повернулся ключ в замке, отворились дверцы шкафа и в кабинет вошел высокий господин с явно офицерской выправкой, аккуратно зачесанными наверх короткими рыжеватыми волосами и красивыми, ухоженными усами – тот самый таинственный собеседник полковника фон Коттена из Михайловского сада. Если бы кто-то мог заглянуть за спину неизвестного, то увидел бы, что шкаф двусторонний и соединяет два кабинета, притворяясь предметом мебели в обоих помещениях.

– Коля, я восхищен твоим мастерством вербовки!

Кулябко картинно поклонился.

– Я иронизирую, болван! Почему ты сразу с порога весь план ему не выложил? Ну или опубликовал бы в газете и дал почитать, идиот! Положение у нас, конечно, трудное, но не настолько же, чтоб вовсе забыть об осторожности!

– Господин п-полковник! Вы, конечно, выше п-по званию и занимаемой должности, но я бы все-таки п-попросил! – вспыхнул Кулябко.

– Ну-ну, не горячись, вон аж заикаться начал, на дуэль еще меня вызови. Я готов, но только по-родственному, на вениках можно, – примиряюще усмехнулся неизвестный.

– Просто твой тон, Александр... Иванович. Ты злоупотребляешь нашим родственным положением!

– А ты злоупотребляешь моим служебным, и, как по мне, ты от этого в гораздо большей выгоде, – улыбаясь одними губами, парировал поименованный Александром Ивановичем. – Ну ладно тебе, садись, давай кофе попросим и побеседуем, – примирительно добавил он, глядя на поникший силуэт бравого жандармского подполковника.

После того как принесли чашки, Александр Иванович сделал глубокий глоток и заговорил уже в совершенно другом, более деловитом ключе:

– Положение тебе известно. Увы, мы остались без исполнителя. И это крайне плохо, учитывая, сколько времени пришлось убить на подготовку. Конечно, мы сами хороши: надо было в любом случае предусмотреть дублера, но что уж руками разводить, нужно срочно искать замену, у нас на все чуть более двух недель. Теперь о Богрове. Твой протеже – личность сомнительная, и ты сам это понимаешь. Он не просто не из идейных, он из разуверившихся. И обратить его в нашу веру за несколько дней мы не сможем. Но раз нет другого кандидата, нужен иной рычаг на этого. Он же работал на тебя? Чем его можно зацепить? Выдал товарищей, раскрыл оружейный склад, растратил партийную кассу?

– Увы, Саша. Он даже от жалования отказался. И выдать никого не успел: сбежал в Петербург.

– Значит, нужно сделать так, чтоб выдал. У тебя же есть специалисты по чужим почеркам? Он ведь писал согласие на сотрудничество? Вот и сделай так, чтобы несколько прошлых громких твоих арестов было совершено по его показаниям.

– Ты предлагаешь фальсифицировать его д-донесения? Т-ты в своем уме? – снова принялся спотыкаться в словах Кулябко.

– Вот только не надо изображать из себя херувима! Я прекрасно осведомлен о твоих возможностях и способностях. И донесения сделай, и расписки в получении денег не забудь. Тем более что эти бумаги послужат единственной цели: помочь ему преодолеть сомнения. Пообещай Богрову, что в случае успешного исхода всего дела эти документы станут замечательным дополнением к его финансовому вознаграждению. Итак, решено: назначь ему встречу завтра у себя дома. И прямо отсюда отправляйся готовить «аргументы».

* * *

Когда на крыльце «Шато-де-Флер» появился Кулябко с незнакомым Богрову высоким усатым господином в партикулярном платье, Дмитрий резко отступил в тень дерева. Подполковник и его спутник коротко попрощались – причем Богрову показалось, что Кулябко как будто бы даже поклонился, значит, неизвестный был выше рангом – и разошлись в разные стороны. Так как маршрут Николая Николаевича интереса не вызывал, Богров, выждав некоторое время, направился за важным незнакомцем, взяв за дистанцию шагов пятьдесят-семьдесят.

Преследуемый неспешно двинулся к выходу из сада, пересек Царскую площадь¹⁰ и направился вверх по четной стороне Крещатика. О слежке он не задумывался: очевидно, несмотря

¹⁰ Ныне Европейская площадь.

на знакомство с жандармским начальником, к Охранному отделению отношения не имел – там любой филер обязательно бы проверил наличие наблюдения.

Правнявшись со зданием почты, господин скрылся внутри. Выйдя минут через десять, так же беспечно и не торопясь проследовал в обратном направлении. Проводив его до дверей «Европейской», Богров остановился в нерешительности. В любое другое время он бы не преминул войти внутрь и за малую мзду наверняка бы узнал об интересующем его господине много полезного – гостиничные служащие очень незаметны, но при этом весьма наблюдательны. Однако сегодня у входа в отель вместо обычного ливрейного швейцара стоял жандарм с самым серьезным видом и при пашке, и вошедшему он отдал честь, несмотря на его гражданский костюм. Так что приставать к кому бы то ни было с расспросами решительно не хотелось.

Пришлось отправиться домой и ждать очередного приглашения.

Молодой человек не заметил, что из окна второго этажа гостиницы из-за портьеры за его терзаниями наблюдал тот, кто являлся их причиной. Дмитрий Григорьевич, увы, переоценил свои ищейские способности и явно недооценил искушенность оппонента.

У Александра Ивановича Спиридовича опыт обнаружения слежки был весьма богатый, особенно в Киеве, да и отношение к Охранному отделению он имел самое непосредственное: до 1905 года он возглавлял Киевское подразделение охраны, то есть являлся в некотором роде предтечей Николая Николаевича Кулябко. Поэтому знакомый силуэт Богрова он заметил еще в парке, подтвердил свою догадку возле первой же витрины, а теперь с легкой полуулыбкой наблюдал за ним из окна. Его очень интересовал этот молодой человек, ибо от него зависел исход дела, весьма опасного, но сулящего невообразимую выгоду.

А выгоду Александр Иванович не просто любил, но и старательно извлекал из всяких, даже неприятных, жизненных обстоятельств. Знакомые в глаза называли его баловнем судьбы, зачастую не предполагая, какими сложнейшими комбинациями порой заслуживалась благосклонность этой капризной барышни. Когда молодой поручик Спиридович неожиданно попросил перевода из армии в жандармский корпус, многие крутили у виска, а некоторые даже открыто перестали подавать ему руку. Но когда Александр Иванович сначала попал в личные помощники к звезде московского политического сыска Зубатову¹¹, а после, всего спустя три года, возглавил Охранное отделение в Симферополе, а затем стал главою Киевского, в тридцать лет надев погоны подполковника, шептунов поубавилось, а вчерашние порицатели пополнили ряды завистников. И даже провал собственного протекже и тайного агента-provokatora в Киеве, наградившего Спиридовича пулевым ранением легкого, обернулся для него очередной наградой и карьерным взлетом: с поста начальника Киевского Охранного отделения он переместился не просто в столицу, а во дворец, возглавив охрану императорской семьи. Теперь уже шептались о том, что будто бы Спиридович лично спланировал покушение на самого себя ради мученического ореола и возможности любоваться своим отражением в зеркальном паркете Зимнего дворца.

А все благодаря матушке, даме хоть высокородной, но обладающей поистине купеческим складом ума.

– Сашенька, – говорила она, – поверь мне, благородства происхождения уже достаточно, чтобы умный человек слыл среди знакомых порядочным и честным, но ум ему дан именно затем, чтоб не связывать себя узами условностей и дворянских фанаберий. В жизни важно не просто не упустить свой шанс – необходимо этот шанс готовить, бережно взращивать и подманивать, а уж когда засияют поблизости золотые перья жар-птицы, хватать ее нужно за хвост обеими руками, не боясь обжечься.

¹¹ Сергей Васильевич Зубатов (1864–1917) – крупнейший деятель политического сыска дореволюционной России, фактически его основатель.

И вот теперь не просто сверкнуло на горизонте драгоценное оперение – сама царственная птаха вышагивала перед ним, виляя откормленным задом, распуская хвост и приветливо кивая масляной головой. И пощипать этого гуся Александр Иванович был намерен от души.

Он плотнее задернул шторы, запер дверь на оба оборота, открыл гостиничный сейф и бросил на стол желтую кожаную папку. Пододвинув тяжелый стул, углубился в чтение. Шелестела бумага, тикали стенные часы, изредка чиркали спички и скрипел грифель карандаша.

Когда часы пробили семь, Спиридович потянулся, подмигнул обнаженной наяде на картине, сложил обратно в папку просмотренные листы, щелкнул никелированным замочком и убрал документы в сейф. Подошел к окну и впустил в прокуренную комнату вечерний киевский воздух, пахнувший прожаренной солнцем листвой и днепровскими волнами. Потянулся, раскинув руки, сладко зевнул, прикрыв усатую пасть рукой, подышал на бриллиант в перстне, потер его о пиджак, полюбовался на игру света в камне и, довольный, направился в соседнюю комнату.

Спустя полчаса он, в мундире, вышел из гостиницы, сел в открытый мотор и отбыл. Его ждали в доме киевского генерал-губернатора к ужину, на котором планировалось обсудить последние детали предстоящего высочайшего визита.

Глава 4

Петербургские домовладельцы переживают странную эпидемию: огромное число их предпочитает, вместо того чтобы строить новые дома, надстраивать старые. Это явление приняло эпидемический характер. Сравнительно за короткий период разрешено до 400 надстроек.

Двух- и трехэтажные здания превращаются в шести- и пятиэтажные громады. Прочность и красота зданий через это, конечно, мало выигрывает.

Соблазн этих надстроек кроется в доходности квартир. Игра на возвышение увлекла домовладельцев. Сколько они ни набавляли, квартирант находился.

– Он все вынесет, – решили домовладельцы и стали строить город вверх, а не вширь.

Надстройки должны дать до 4000 новых квартир.

Газета «Петербургский созерцатель», август 1911 года

* * *

Дактилоскопия и баллистическая экспертиза затянулись почти на два дня, томительных ожиданием, но тем не менее довольно деятельных, поскольку за это время прояснились и причины странного поведения супруги Владимира Гавриловича, и степень их серьезности. Вернувшись после того богатого на события дня домой, Филиппов, не дожидаясь ужина, призвал Веру Константиновну в гостиную и со всей доступной ему участливостью расспросил об утреннем инциденте. Та, видимо, проведя весь день в терзаниях и раскаянии, тут же разрыдалась на галантно подставленном плече и, всхлипывая, рассказала, что ее приятельница, супруга одного из университетских профессоров, передала ей слова своего мужа. Тот уверял, что младший Филиппов часто бывал замечен в общении с не вполне благонадежными в политическом смысле субъектами. Естественно, Вера Константиновна, оставаясь наедине с этой информацией, нафантазировала бог весть чего и уже видела сына вышагивающим по сибирскому тракту в кандалах и с бубновыми тузами на спине арестантского халата. Владимир Гаврилович торжественно пообещал во всем разобраться, поговорить с сыном, проверить информацию, используя все доступные ему средства, – и мир в семье был восстановлен, вплоть до принесения извинений обруганной понапрасну Дуняше.

Слов на ветер Филиппов бросать не привык, потому время, высвободившееся в ожидании экспертных заключений, употребил следующим образом: того самого ротмистра Кунцевича, принесшего дурную весть в «Асторию», поставил руководить опросом рядовых свидетелей событий на Литейном и Невском, Свиридову поручил сбор сведений о Зимине и Мазуровых, причем, памятуя о синем пропуске, дал указание по возможности не попадать в область внимания Охранного отделения. А сам занялся двумя списками: найденным в коричневом бумажнике и составленным по именам из партийных клятв.

Сразу выяснилась интересная особенность: часть фамилий на обоих листках совпадала, и те, что упоминались в расписках, в перечне Зимина оказались помечены галочками. Особенно отрадно было то, что подобной галочки напротив имени сына не имелось, стало быть, вполне обоснованно можно предположить, что младший Владимир связать себя с активной частью революционных кругов никакими узами не успел, а то и вовсе не собирался. Тем не менее догадку эту требовалось подкрепить. Вторгаться в профессиональную сферу жандарме-

рии Владимир Гаврилович не думал – можно было наломать дров и после краснеть, объясняясь, но с сыном-то по-отечески поговорить ему никто не мог запретить.

Разговор состоялся в тот же вечер и, к радости Филиппова-старшего, прошел легко и даже с некоторой пользой. Ну, во-первых, Владимир заверил, что не только не состоял ни в каких политических организациях, но и разговоров о его вовлечении в оные ни Зимин, ни Мазуров, ни кто-либо другой с ним не вел. В семье Филипповых врать друг другу было не принято, и ни разу за все время это правило не нарушалось, потому Владимир Гаврилович вздохнул с облегчением. А во-вторых, большинство фамилий из более длинного списка Владимиру оказались знакомы: за исключением всего двух человек упомянутые в нем лица являлись студентами университета, причем абсолютно все – будущие юристы. Ну, последнее обстоятельство, вероятно, объяснялось тем, что Зимин преподавал на факультете, соответственно, ему проще было вербовать сторонников из своих же учеников. Но две неизвестные сыну фамилии требовалось все-таки проверить. Ни на одну из них не имелось клятв, обе числились лишь в списке «претендентов», напротив первой стояла не галочка, а крест, вторая же была безо всяких отметок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.